
pocket**book**

Джордж Элиот

Мидлмарч

Том 2

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э46

George Eliot
MIDDLEMARCH

Перевод с английского
Е. Коротковой (книги V–VIII и Финал)

Примечания *И. Гуровой*

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция картины «Indecision» художника Charles Baugnet: Haynes Fine Art at the Bindery Galleries, Broadway / Bridgeman Images / Fotodom.ru.

Элиот, Джордж.

Э46 Мидлмарч. Том 2 / Джордж Элиот ; [перевод с английского Е. Коротковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-105484-7

Мэри Энн Эванс (таково настоящее имя Джордж Элиот) была женщиной образованной, талантливой и нестандартно мыслящей. Широта ее взглядов и глубокие познания нашли свое отражение в творческом наследии. Самым масштабным ее произведением, настоящим великим английским романом, стал «Мидлмарч».

Мидлмарч — название провинциального городка, в котором и вокруг которого разворачивается действие романа. Множество персонажей, судьбы которых переплетены волей автора, населяют его страницы. В нем проявляются многие людские пороки и добродетели, плетутся честолюбивые интриги, заключаются неудачные браки и счастливые супружеские союзы, происходит сомнительное обогащение и идет возня вокруг наследства. В то же время книга написана с мягкой иронией и проникнута типично викторианским оптимизмом.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Короткова Е., перевод на русский язык, 2019

© Гурова И., примечания. Наследник, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105484-7

Книга пятая

РУКА МЕРТВЕЦА

Глава XLIII

Фигурке этой нет цены. С любовью
Когда-то мастер вырезал ее
Из лучшей кости. Неподвластны моде
Изящество и благородство линий,
Чарующие женственностью вечной.
А вот другая дорогая вещь —
Майолика искуснейшей работы.
Взгляните, как улыбка бесподобна!
Казалось бы, простой фаянс, однако
Украсит он и самый пышный стол.

Доротея редко отлучалась из дому без мужа, но временами ездила в Мидлмарч одна, за покупками или с благотворительной целью, как делают все богатые и небогатые дамы, живущие в окрестностях какого-нибудь города. Под предлогом такой поездки она решила спустя два дня после сцены в тисовой аллее побывать у Лидгейта и узнать, не появились ли у мужа новые симптомы болезни и не расспрашивал ли он о своем состоянии врача. Ей казалось чуть ли не преступным что-то выведывать о муже у постороннего человека, но неведение было страшнее, страшнее потому, что могло толкнуть ее на несправедливый или жестокий поступок, и это соображение заглушило укоры совести. Она видела, что в сознании мужа произошел перелом: уже на следующий день он начал перестраивать систему выписок и отдал Доротее совершенно новые распоряжения относительно дальнейшей работы: бедняжке предстояло основательно запастись терпением.

Подъезжая часа в четыре к дому доктора на Лоуик-Гейт, она засомневалась, застанет ли его, и пожалела, что заранее ему не написала. Доктора и впрямь не оказалось дома.

— А миссис Лидгейт? — спросила Доротея. Она не была знакома с Розамондой, но сейчас вспомнила, что доктор женат. Миссис Лидгейт была дома.

— Я с ней поговорю, если она позволит. Будьте добры, узнайте, может ли она на несколько минут принять меня... принять миссис Кейсобон?

Слуга отправился с докладом. Сквозь открытое окно донеслись звуки музыки — что-то пропел мужской голос, затем рассыпалось аккордами фортепьяно. Но аккорды внезапно оборвались, после чего вышел слуга и сказал, что миссис Лидгейт очень рада видеть у себя миссис Кейсобон.

Доротея вошла в гостиную. Контраст между хозяйкой и гостьей был весьма характерен для провинции той поры, когда несходство в обычаях разных сословий проявлялось осязательнее, чем сейчас. Знатки, вероятно, могут сказать, как называлась ткань платья, которое ранней осенью носила Доротея, — тонкая белая шерстяная ткань, мягкая на взгляд и на ощупь. Она всегда казалась только что постиранной, пахла свежей зеленью и была скроена на манер ретонды со старомодными широкими рукавами. И все же, появившись Доротея перед безмолвствующими зрителями в роли Имогены или дочери Катона, ее наряд не вызвал бы недоумения; в ее движениях, осанке были грация и величавость, а широкополая шляпка — удел ее современниц, — обрамлявшая скромно причесанные волосы и правдивые глаза, вполне могла бы заменить тот золотистый головной убор, что именуют нимбом. Для двух зрителей, ожидавших ее в гостиной, миссис Кейсобон представляла больше интереса, чем любая героиня драмы. Розамонда выделяла ее из простых смертных, причисляя к высшим существам, чья наружность и манеры заслуживают самого пристального внимания; кроме того, Розамонда была довольна, что и миссис Кейсобон представилась возможность обратиться на нее внимание. Что толку быть изысканной, если этого не могут оценить знатоки? А поскольку в доме сэра Годвина Розамонда удостоилась высшей похвалы, она не сомневалась в своем успехе у людей знатного происхождения. Доротея со свойственной ей бесхитростной добро-

желательностью протянула хозяйке дома руку и с восхищением оглядела хорошенькую молодую миссис Лидгейт, лишь краем глаза заметив стоящего поодаль джентльмена в сюртуке. Джентльмен был слишком поглощен одной из двух присутствующих женщин, чтобы обратить внимание на контраст между ними — контраст, который поразил бы беспристрастного наблюдателя. Обе были высокого роста, у той и у другой — прелестные глаза, но вообразите себе головку Розамонды в дивной короне кос, сплетенных из младенчески белокурых волос, ее голубое платье, элегантный и модный покрой которого взволновал бы любого портного, большой вышитый воротник, стоимость коего нельзя было не оценить, в меру украшенные кольцами пальчики и рассчитанную непринужденность манер — трудоемкую замену простоты.

— Благодарю за позволение прервать ваши занятия, — тут же заговорила Доротея. — Мне бы очень хотелось до отъезда домой повидать мистера Лидгейта, и я надеялась, что, может быть, вы скажете, где его найти, или даже позволите подождать его, если он вскоре должен вернуться.

— Он в новой больнице, — сказала Розамонда. — Не знаю, скоро ли он вернется. Но я могу за ним послать.

— Разрешите мне сходить за доктором? — предложил, выступая вперед, Уилл Ладислав. Он взял шляпу еще до того, как вошла гостя. Доротея вспыхнула от неожиданности, но протянула ему руку, улыбаясь с явной радостью и говоря:

— А я вас не узнала: не ожидала вас здесь встретить.

— Вы разрешите мне сходить в больницу и сказать мистеру Лидгейту, что вы хотите его видеть? — спросил Уилл.

— Я пошлю за ним карету, — возразила Доротея. — Так гораздо проще. Не будете ли вы добры отдать распоряжение кучеру?

Уилл направился к двери, как вдруг Доротея, в чьем воображении мгновенно пронеслось множество воспоминаний, торопливо повернулась к нему и сказала:

— Нет, нет, благодарю. Мне хочется как можно скорей возвратиться домой. Я сама поеду в больницу и поговорю

с мистером Лидгейтом. Пожалуйста, простите меня, миссис Лидгейт. Вы были очень добры.

Ее вдруг поглотила какая-то новая мысль, и, выходя из комнаты, она едва ли замечала, что происходит вокруг, едва ли заметила, как Уилл распахнул перед ней дверь и предложил ей руку, чтобы проводить к карете. Она оперлась на его руку, но не сказала ни слова. Уилл был порядком раздосадован и подавлен, но и сам не мог придумать, что сказать. Он молча посадил ее в карету, они попрощались, и Доротея уехала.

Пять минут пути до больницы ушли на совершенно новые для нее размышления. Решение уехать и охватившая ее в тот миг задумчивость были порождены внезапным ощущением, что, сознательно поддерживая дальнейшее знакомство с Уиллом и скрывая это от мужа, она допускает своего рода обман, да и самая поездка к Лидгейту затеяна украдкой. Все это она понимала вполне отчетливо, но еще что-то неприятное смутно тревожило ее. Сейчас, когда она была одна в карете, Доротея как бы вновь услышала мужской голос и аккомпанировавшее ему фортепьяно, на которые не обратила внимания сразу. Значит, Уилл Ладислав навещает миссис Лидгейт в отсутствие ее мужа, с некоторым удивлением подумала она. Правда, ей тут же вспомнилось, что он и ее навещал, стало быть, в таких визитах нет ничего дурного. Но ведь Уилл родственник мистера Кейсобона, Доротея обязана его принимать. И все же, судя по некоторым признакам, мистер Кейсобон был, пожалуй, недоволен этими визитами в его отсутствие. «Я, должно быть, многое неверно понимала», — с грустью подумала Доротея. Слезы хлынули градом, и ей пришлось поспешно их утереть. Огорченная, растерянная, она почувствовала, что доколе ясный для нее облик Уилла каким-то образом искажился. Тем временем карета остановилась у ворот больницы. Вскоре Доротея уже расхаживала рядом с Лидгейтом по зеленому больничному двору, и ею снова овладело тревожное волнение, заставившее ее искать этой встречи.

Что до Уилла Ладислава, он тоже был подавлен, но вполне представлял себе — почему. Ему редко приходи-

лось встречаться с Доротеей, а нынешняя встреча к тому же оказалась неудачной. Мало того что Доротея, вопреки обычаю, не была занята только им, она встретила его при обстоятельствах, показывающих, что и он не был всецело занят ею. Обстоятельства этой встречи оттеснили его в чуждый Доротее круг обывателей Мидлмарча. Но виновен ли он в этом? Поселившись в городе, он постарался перезнакомиться с кем только возможно: его положение требовало, чтобы он знал всех и вся. Лидгейт, право же, самый достойный из его здешних знакомцев, а миссис Лидгейт музицирует, да и вообще в ее доме приятно бывать. Так возникла ситуация, при которой наша Диана столь неожиданно наткнулась на своего воздыхателя. Убийственная ситуация. Только ради Доротеи живет он в Мидлмарче — Уилл это прекрасно понимал. В то же время его положение в городе грозило воздвигнуть между ними преграду, более губительную для сохранения взаимного интереса, чем расстояние от Рима до Англии. Сословными предрассудками нетрудно пренебречь, если речь идет о чем-то наподобие высокомерного письма мистера Кейсобона, но предрассудки, как пахучие тела, существуют в двух субстанциях — устойчивой и летучей, они устойчивы, как пирамиды, и неуловимо летучи, как двадцатый отзвук эха или воспоминание об аромате гиацинтов в ночной тьме. А Уилл по складу характера был чувствителен к неуловимому: менее тонкий человек не осознал бы, что в отношении Доротеи к нему впервые вкралась принужденность, и в их молчании, пока он вел ее к карете, сквозил холодок. Возможно, побуждаемый ревностью и злобой, Кейсобон убедил жену, что Уилл уже не принадлежит к их кругу. Черт бы его побрал!

Уилл вернулся в гостиную, взял шляпу и, с раздраженным видом подойдя к хозяйке, уже пересевшей за пьальцы, сказал:

— Заниматься музыкой или стихами можно только до тех пор, пока не помешают. Если разрешите, я зайду на днях, и мы еще поупражняемся над «*Lungi dal cago bene*»¹.

¹ «Вдали от милого» (*ит.*).

— Счастлива быть вашей ученицей, — сказала Розамонда. — Но признайтесь: на сей раз помеха оказалась прелестной. Я завидую вашему знакомству с миссис Кейсобон. Что, она очень умна? Судя по виду — да.

— Я, право, об этом не думал, — угрюмо ответил Уилл.

— Точно так же мне ответил Тертый, когда я у него спросила, красива ли она. Интересно, о чем думаете вы, господа, в ее присутствии?

— О ней самой, — сказал Уилл, которому вдруг захотелось кольнуть очаровательную миссис Лидгейт. — Когда видишь совершенную женщину, не задумываешься о ее отдельных свойствах... просто чувствуешь ее присутствие.

— Когда Тертый поедет в Лоуик, я буду сгорать от ревности, — лукаво улыбаясь, произнесла Розамонда. — Он ко мне охладет.

— По-моему, до сих пор с Лидгейтом ничего такого не произошло. Миссис Кейсобон настолько не похожа на других женщин, что их нельзя с ней сравнивать.

— Вы, я вижу, ее преданный поклонник. Наверное, вы часто видитесь?

— Нет, — ворчливо ответил Уилл. — Поклонение скорее относится к области теории, чем практики. Правда, сейчас я злоупотребляю практикой... как ни печально, мне придется удалиться.

— Загляните к нам как-нибудь вечером, буду рада вас видеть. Мистер Лидгейт с удовольствием послушает музыку, да и мне приятнее будет музицировать при нем.

Когда муж возвратился домой, Розамонда, подойдя к нему и взяв обеими руками за лацканы сюртука, сказала:

— Мы разучивали арию с мистером Ладиславом, когда приехала миссис Кейсобон. По-моему, он огорчился. Как ты считаешь, может быть, ему не понравилось, что она его у нас застала? Но ведь ты ничуть не ниже его по положению, напротив... хоть он и родня Кейсобонам.

— Да нет, не в этом дело; если он и огорчился, то по другому поводу. Ладислав — нечто вроде цыгана: в нем нет чванства.

— Он превосходный музыкант; но порою не очень любезен. Он тебе нравится?

— Да. По-моему, он славный малый, несколько легковесен, разбрасывается, но симпатичный.

— Знаешь, кажется, он без ума от миссис Кейсобон.

— Бедняга! — воскликнул Лидгейт, улыбнувшись и ущипнув Розамонду за ушки.

Розамонда чувствовала, что начала познавать мир, а главное, сделала открытие — в годы девичества нечто подобное показалось бы ей немислимым, разве что в трагедиях стародавних времен, — заключавшееся в том, что женщина даже после замужества может завоевывать и порабощать мужчин. В ту пору юные британские девицы, не исключая воспитанниц миссис Лемон, мало знали французских авторов, писавших после Расина, а общественная печать еще не озаряла скандальную хронику столь ярким светом, как сейчас. И все же достаточно даже малейших намеков, в особенности намека на осуществимость множества побед, чтобы женское тщеславие, благо досуг неограничен, разбушевало во всю мощь. Какое наслаждение пленять, восседая на брачном престоле рядом с кронпринцем-мужем (в действительности — тоже подданным), ловить искательные взгляды пленных, утративших покой... и недурно, чтобы заодно и аппетит! Но сейчас Розамонду больше всего занимал роман с ее кронпринцем, и она жаждала увериться лишь в его покорности. Когда он сказал «Бедняга!», она с игривым любопытством спросила:

— Почему?

— Да ведь когда какая-нибудь из вас, наяд, сведет с ума мужчину, на что он способен? Забросит работу и тут же станет коллекционировать долговые счета.

— Ну, уж ты никак не забросил работу. То ты в больнице, то навещаешь пациентов-бедняков, то поглощен очередной ссорой с врачами, а дома тебя не оторвешь от микроскопа и всяких склянок. Они тебе милей меня, принайся.

— Неужели ты настолько нечестолюбива, что будешь довольна, если я навсегда останусь лекарем в Мидлмар-

че? — сказал Лидгейт, опустив руки на плечи жене и устремив на нее нежный и серьезный взгляд. — Я познакомлю тебя с моим любимым четверостишьем, написанным одним старинным поэтом:

Зачем нам суетные почести милы?
Чтоб быть забытыми? Сколь выше цель — создать
Достойное того, чтобы о нем писать,
Писать достойное прочтения и хвалы.

Вот этого я и хочу, Роза: создать достойное того, чтобы о нем писать, и самому написать о созданном мною. А для этого надо работать, душенька.

— Ну конечно, мне хочется, чтобы ты делал разные открытия. Я буду счастлива, если ты достигнешь высокого положения и мы выберемся из Мидлмарча. Ты не можешь пожаловаться, что я мешаю тебе работать. Но ведь нельзя же жить отшельником. Тертий, ты мною доволен?

— Нет, милая, нет. Я даже слишком доволен.

— А о чем с тобой говорила миссис Кейсобон?

— Расспрашивала о здоровье мужа, больше ничего. Кажется, мы можем ожидать щедрого пожертвования для нашей больницы. По-моему, мы будем получать от миссис Кейсобон двести фунтов в год.

Глава XLIV

Нет, я не буду жаться к берегам,
А в море по звездам направлю путь.

Когда, прогуливаясь среди лавровых кустов во дворе больницы, Доротея услышала от Лидгейта, что у мистера Кейсобона не обнаружено новых болезненных симптомов, если не считать стремления как можно подробней узнать все о своей болезни, она тут же принялась припоминать, не вызвано ли это нездоровое стремление каким-нибудь ее поступком или фразой? Лидгейт, опасаясь упустить воз-

возможность сделать все для достижения своей заветной цели, вдруг сказал:

— Я не знаю, известно ли вам и вашему супругу о нуждах новой больницы? Пожалуй, я покажусь вам эгоистом, затрагивая при подобных обстоятельствах этот предмет, но меня можно извинить. Дело в том, что здешние врачи ведут борьбу против нашей больницы. Мне кажется, подобные проблемы должны вас интересовать. Помнится, когда я имел удовольствие познакомиться с вами в Типтон-Грейндже еще до вашего замужества, вы меня расспрашивали, влияет ли на здоровье бедняков то, что им приходится ютиться в столь жалких жилищах.

— Да, конечно, — загоревшись, сказала Доротея. — Буду очень вам признательна, если вы скажете, чем я могу хоть немного помочь. Я как-то отошла от всех этих забот после замужества. — Она замялась и добавила: — То есть у нас в деревне дома не так уж плохи, а о соседних я не справлялась, будучи поглощена другими делами. Но здесь, в Мидлмарче... вероятно, очень много можно сделать.

— Здесь можно сделать все, — оживленно воскликнул Лидгейт. — И основным полем деятельности стала наша больница, существующая исключительно благодаря стараниям мистера Булстрода, и в немалой степени — его денег. Но одному человеку такое предприятие не под силу. Он, разумеется, рассчитывал на помощь. А вместо помощи под нас ведутся гнусные подкопы, затеянные недоброжелателями.

— Но какие могут быть для этого причины? — с простодушным изумлением спросила Доротея.

— Главным образом и прежде всего — неприязнь к мистеру Булстроду. Половина города готова, не щадя трудов, ставить ему палки в колеса. В этом нелепом мире большинство полагает, что из дела может выйти толк лишь в том случае, если оно затеяно людьми их круга. До приезда сюда я ничего не знал о Булстроде. Я отношусь к нему совершенно беспристрастно и вижу, что у него есть интересные идеи и планы, которые я смогу обратить на пользу общества. Будь у нас побольше образованных людей, счи-

тающих, что их вмешательство может способствовать развитию теории и практики медицины, их деятельность не замедлила бы принести плоды. Я в этом убежден. Думаю, что, отказавшись сотрудничать с мистером Булстромом, я пренебрег бы возможностью сделать мою профессию более полезной людям.

— Я совершенно с вами согласна, — сказала Доротея, на которую произвела огромное впечатление вкратце описанная Лидгейтом ситуация. — Но что эти люди имеют против мистера Булстрода? Мой дядюшка с приятнью относится к нему.

— Многим не нравится его религиозность, — уклонился от прямого ответа Лидгейт.

— Ну, тогда он тем более заслуживает поддержки, — сказала Доротея, которой Мидлмарч вдруг представился полем битвы добра и зла.

— Говоря откровенно, у них есть и другие резоны: Булстрод — человек деспотичный и довольно необщительный, кроме того, его род занятий сопряжен с некоторыми сложностями, о которых я не имею понятия. Но какое все это имеет отношение к его желанию построить здесь очень нужную людям больницу, подобной которой нет в графстве? Главная придирка наших противников состоит в том, что руководство медицинской частью доверено мне. Я, конечно, рад. Это дает мне возможность поработать не за страх, а за совесть, и я уверен, что мистер Булстрод не раскаивается в своем выборе. Но покамест все свелось к тому, что мои здешние коллеги ополчились на больницу и не только сами отказываются сотрудничать со мной, но стремятся очернить нас в глазах жертвователей.

— Как это мелко! — негодуяше воскликнула Доротея.

— Я полагаю, что за убеждения нужно бороться, иначе, вероятно, ничего не сделаешь. Здешние обыватели вопиюще невежественны. Я ведь хочу только воспользоваться для своих исследований кое-какими возможностями, не выпадающими на долю каждого; но у меня, с их точки зрения, есть непростительные пороки: я слишком молод, я не

здешний, да к тому же знаю больше, чем местные уроженцы. И все-таки, поскольку я убежден, что могу изобрести новый, более эффективный метод лечения... могу путем исследований и наблюдений послужить на пользу медицине, я был бы низким стяжателем, отказавшись использовать эти возможности из соображений личной выгоды. И так как жалованья мне никто платить не собирается, то и в корыстолюбии меня нельзя упрекнуть.

— Я так рада, что вы рассказали мне все это, мистер Лидгейт, — с жаром произнесла Доротея. — Полагаю, мне удастся вам немного помочь. У меня есть кое-какие средства, и я просто не знаю, как их употребить... мысль об этом меня часто беспокоит. Для столь благородной цели я, несомненно, смогу выделять по двести фунтов в год. Ах, какое это счастье — быть уверенным, что твои знания принесут огромную пользу! Завидую вам, что каждый новый день вы встречаете с этим чувством уверенности. Иные столько трудятся из-за сущих пустяков!

Последние слова она произнесла упавшим голосом. Но тут же добавила уже веселей:

— Очень прошу вас, приезжайте в Лоуик и подробнее ознакомьте нас с делом. Я расскажу об этом мистеру Кейсобону. А сейчас мне нужно спешить домой.

В тот же вечер она рассказала мужу о больнице, добавив, что хотела бы жертвовать по двести фунтов в год, — ее ежегодный доход (в процентах с капитала, закрепленного за Доротеей при вступлении в брак) равнялся семистам фунтам. Мистер Кейсобон не возражал, а лишь заметил вскользь, что, пожалуй, эта сумма непомерно велика, коль скоро существуют и другие благие деяния, но когда Доротея в своем невежестве заупрямилась, не стал противиться. Сам он равнодушно относился к деньгам и не был скуп. Если порою он и принимал к сердцу денежные вопросы, то не из скарденности, а по какой-нибудь иной причине.

Доротея сказала ему, что виделась с Лидгейтом, и передала вкратце суть их разговора о больнице. Мистер Кейсобон не задал Доротее ни единого вопроса, но не сомневался, что ездила она узнать, о чем он беседовал с доктором.